

7. Потапов, Ю. С. Способ получения тепла [Текст] : патент РФ RU 2165054 / Ю. С. Потапов [и др.]. — М., 2000.
8. Сапогин, Л. Г. Устройство для нагрева жидкости [Текст] : патент РФ RU 2162571 / Л. Г. Сапогин, Ю. С. Потапов [и др.]. — М., 2000.
9. Фоминский, Л. П. Как работает вихревой теплогенератор Потапова [Текст] / Л. П. Фоминский. — Черкассы : РАЕН, ОКО-Плюс, 2001.
10. Потапов, Ю. С. Успехи тепловой энергетики / Ю. С. Потапов, Л. П. Фоминский // *Фундаментальные проблемы естествознания и техники*. — Т. 1. — СПб., 2002.

ИННОВАЦИИ В ЭКСПОЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Рыжанков М.Ф.,

к.э.н.,

Рыжанкова О.В.,

к.э.н.,

Белопусский государственный аграрный технический университет, г. Минск

По своему основному смыслу понятие «инновация» относится не только к созданию и рассмотрению новшеств, но и к преобразованиям, изменениям в образе деятельности, стиле мышления, которые с этими новшествами связаны. Сделав предметом рассмотрения поиск новых моделей развития села и сельскохозяйственного производства, мы тем самым обращаемся к развитию инновационных подходов, нетрадиционных представлений о построении, которое не должно быть раз и навсегда локализовано и, следовательно, не должно определяться просто как «сектор» или «отдельная сфера деятельности». Скорее мы должны видеть явления, учитывая не только их экономическую, но социальную, культурную и даже психологическую «погруженность».

По сути, сама концепция «экономика сельскохозяйственного производства», как, впрочем, и концепция «экономика», может вводить в заблуждение, ибо в действительности не существует никакой возможности, кроме аналитической абстракции, отделить чистую экономику от общей социальной структуры. Абстракции помогают осветить определенные аспекты реальности, но вводят в заблуждение как только мы начинаем считать их самой реальностью.

Это верно для экономики в целом, но особенно важно для сельской экономики, где по-прежнему сохраняются личные подсобные хозяйства, а значит, соседствуют различные организационные принципы хозяйствования, где то и дело сказывается «неформальность» во многих отношениях, учреждениях и видах деятельности.

Однако под категорией «неформальность» зачастую представляют то или иное дистанцирование от государства в его качестве генератора процедур и структур принуждения. Существенное социальное различие легальных и нелегальных видов деятельности оказалось столь поразительно реальным, что термин «неформальная экономика» уже получил достаточное распространение в научном лексиконе и языке журналистов в различных регионах, включая всю Европу и США. «Формальность» экономического действия стала равнозначна деятельности, которая определена и легализована государством, а выражение «незарегистрированный», фиксирующее негосударственные, автономные пути регулирования экономического взаимодействия, стало употребляться для выделения «неформальных экономик».

Но понимаемая таким образом неформальная экономика не вполне охватывает существующие способы функционирования экономики села. Под такое описание не подпадают персонализированные, глубоко погруженные в социальные и культурные структуры сел образцы экономического поведения, которые хотя и оперируют внутри или во взаимодействии с современной рыночно-ориентированной экономикой, но, тем не менее, не соответствуют безличным, ориентированным только на максимизацию прибыли способам функционирования.

Речь идет о так называемом «традиционном», «втором», «подсобном» хозяйстве, где экономическое взаимодействие часто опирается на институционализированный неэквивалентный обмен, сети взаимной поддержки и тому подобное – взаимодействие, которое в действительности не является чисто экономическим. Если такие явления и выделялись ранее из преобладающих экономических моделей, то, как правило, просто определялись как «маргинальные», в лучшем случае — с предположением об их переходной природе в соответствии с теориями прогресса и модернизации.

Но если мы перенесем внимание с базовых монополярных моделей на реальные параметры, то в центре восприятия нашего поколения окажется комплексная модель, включающая не только полюса, но и шкалу между ними. Полюсами здесь можно считать, с одной стороны, полностью огосударствленную «тоталитарную» экономику, а с другой — полностью капиталистический «свободный рынок». Реальные общества, как можно предположить, помещаются где-то между этими полюсами.

Однако явления, которые не соответствуют ни одному из концептуальных полюсов то и дело стали относить либо к незначительным, случайным, переходным, либо — к пережиткам прошлого.

К данным явлениям некогда был отнесен детский труд, затем — крестьянство. Отсюда трудности концептуализации такого явления как личное подсобное хозяйство, явление, которое не укладывается в ряд академических экономических дисциплин, отсюда — позднее «открытие» семейной экономики, несмотря на значение, которое она продолжает иметь в стабилизации экономик различных стран мира.

В качестве аналитической абстракции для целей сосредоточения внимания на концептуальной территории вне полюсов, вне широко принятых супермоделей политической экономии представляется возможным использовать выражение эксполярность — термин, имеющий отношение к слову полис (polis) в Древней Греции, где он означал как город-государство, так и город-рынок.

«Эксполярные экономики» или структуры — возможно более подходящий термин для того, чтобы суть проблем, «растворенных» в не только экономических структурах, получила значимые характеристики, а именно — операциональные характеристики, т.е. то, как они видятся «изнутри», как — «снизу», а не только на уровне государства или национальной экономики. Такой подход обеспечивает центральное место изучению семейных стратегий и социальных инструментов выживания тех, кто вовлечен в так называемую «неформальную» деятельность из-за нахождения вне рамок фундаментальных экономических структур или, скорее, вне их поддержки и внимания.

Эксполярные экономики не представляют собой некоего особого способа производства, происходящее в них считается продолжением закономерностей материального производства и рынка. Хотя столь же правомерно принять и другую точку зрения: можно рассматривать рыночную занятость и развитие крупного сельскохозяйственного производства как продолжение политики личного подсобного хозяйства. В любом случае логика такова, что сфера экономики фактически должна быть расширена с учетом признания ее взаимопроникновения в ряд неких малых структур и образований, которые являют собой свидетельства активной трудовой деятельности человека.

Эксполярными в этом смысле в сельском хозяйстве являются личные подсобные хозяйства, о чем свидетельствует наличие в них:

- неформальной занятости;
- неформальных трудовых отношений;
- неформального обмена — родственного, соседского, дружеского, этнического — очень часто неденежного и неэквивалентного (что является скорее нормой, чем исключением);
- неформальной взаимопомощи, которая в корне отличается от социальной поддержки государства или фирмы.

Все это выводит агентов такого рода хозяйственных структур за рамки сугубо экономического поведения. Их деятельность направлена в большей степени на обеспечение так называемого «права на жизнь», на самосохранение и расстановку статусных позиций в семье и местных сообществах. В ней — проявление своего рода генетического иммунитета на обеспечение стабильности. И эта иммунная энергия самозащиты во многом определяет своеобразие формирования рыночной среды в сельских сообществах, адекватной местным условиям, собственных «представлений и правил» экономического поведения.

Спектр механизмов самозащиты эксплоярных структур такого рода очень широк, что, безусловно, выводит их за границы «мира маргиналов» (мира, который по определению не является необходимым). При этом, они имеют собственную динамику и перспективу.

Так, если проследить временные изменения отдельных показателей по личным подсобным хозяйствам, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, то вполне очевидным окажется стабильный рост удельного веса многих из них в общих показателях по стране.

Например, удельный вес картофеля личных подсобных хозяйств во всех посевных площадях с 1995 года стабильно выше 80 % и к 2004 году он составил уже 88,1 %. Почти на таком же уровне с 1995 года фиксируется и удельный вес овощей во всех посевных площадях: 76,6 % в 1995 году и далее 80,9 %, 87,2 %, 84,8 %, 79,4 %, 80,9 % соответственно с 2000 по 2004 год по годам включительно.

Весьма значительным остается и удельный вес поголовья скота личных подсобных хозяйств во всех категориях хозяйств страны. Так, удельный вес коров в 2000 году, фиксировался на уровне 32,5 %, к 2004 году составил 25,5 %. Удельный вес свиней к 2004 году составил 30,6 %, сократившись на 7 процентных пунктов с 2000 года. Удельный вес птицы фактически остался прежним в 2004 году по сравнению с 2000 годом, составив 25,9 % и 25,5 % соответственно [1].

Приведенные данные тем более обращают на себя внимание, что объем ассигнований на развитие структурообразующих отраслей сельского хозяйства неуклонно растет, каждый год его выражают в многозначных цифрах, а личное подсобное хозяйство своим выживанием обязано скорее социальной инерции и той пользе, которую извлекают из него государство и экономика.

Внедрению инноваций в эксплоярную экономику в значительной степени будет способствовать реализация Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 гг., которая предусматривает [2]:

- обеспечение совершенствования законодательства о личных подсобных хозяйствах граждан, в том числе в области имущественных и земельных отношений;
- введение льготного механизма налогообложения юридических лиц, оказывающих помощь сельскому населению по ведению личного подсобного хозяйства;
- расширение предоставления банками кредитов гражданам для приобретения скота, семян сельскохозяйственных культур, инвентаря и других целей;
- оказание гражданам помощи в реализации сельскохозяйственной продукции, произведенной в личных подсобных хозяйствах, прежде всего через организации Белкоопсоюза, а также посредством создания торговых мест на рынках.

Романтизированная история индустриализации, представления о беспредельных потребностях и их бесконечном удовлетворении с помощью увеличивающихся богатств, все лучших и лучших технологий, породили представления о необходимости быстрой унификации, универсализации и стандартизации окружающего мира, поступательности движения от разного рода несообразностей к единообразному, а значит о неизбежности столкновения «на обочину» того, что не следует в общем потоке.

Такое мировоззрение слишком долго оставалось фундаментальным и фактически господствует до сих пор. Несмотря на многочисленные свидетельства того, что мир движется не от разнородности к однородности, а скорее от одной внутренне противоречивой сложности к другой, категория «маргинальных форм» с трактовкой их как «вымирающих» (переходных, из-

живающих себя пережитков прошлого) настигает типы хозяйствования, которые выпадают из доминирующих структур. Они оказываются как бы вне систем.

Между тем жизнестойкость такого рода форм, их приспособляемость в условиях неравенства и постоянной борьбы, их сложные, но прочные внутренние связи сами по себе исключают историческую случайность их существования и требуют логического отношения их к другим — к доминирующим — формам.

Значимость такого рода эксплоярных структур в сельском хозяйстве тем более очевидна, что страны мира все более приходят к осознанной политике, преследующей цель увеличить местное сельскохозяйственное производство и обновить его связи с местным потреблением.

В целом же, столкновение того, что находится на обочине общественной жизни, с тем, что находится в центре индивидуальной жизни, становится источником глубоких эмоций, выражающихся в мыслях и действиях. В зависимости от численности занятых в личном подсобном хозяйстве, в том числе в семейном фермерстве, их положения в обществе и жизнестойкости, люди из этой теоретически маргинальной категории могут оказать драматическое и глубокое воздействие на историю общества.

Возможными и необходимыми здесь представляются два момента, два выхода, имеющие отношение к теоретическому анализу.

Первый: личные подсобные хозяйства и семейные фермы необходимо конкретно изучать в плане их отношения к развитию сельскохозяйственного производства и к структуре семьи у нашего народа.

Второй: обеспечить условия их воспроизводства ценовой политикой и различными мероприятиями, которые соединили бы занятых в личном подсобном хозяйстве, фермеров и государство сложными, но исключительно прочными связями.

Такой подход позволит превратить знания эксплоярных форм экономики на селе в своеобразный уникальный нетехнологический ресурс с потенциально огромной потребительной полезностью. Промедление в применении такого подхода отдалит время использования данного ресурса и станет периодом упущенных инновационных возможностей познания различных эксплоярных форм экономики.

Литература

1. Агропромышленный комплекс (сельское хозяйство) [Текст]. — Т. 1. / сост. А. Л. Ломакина, М. В. Корневская [и др.]. — Изд. 6-е. — Мн., 2005. — С. 260–261.
2. Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы [Текст]. — Мн. : Беларусь, 2005. — С. 57–58.

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИХ РАЗВИТИЯ

Рыжанкова О.В.,

к.э.н., Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск

В дискуссиях о крупнейшем достижении XX века спектр мнений разнообразен: от ядерных технологий и космической техники до Интернета. Однако считать итогом развития инновационной сферы появление какой-либо технической идеи или успешную экономическую реализацию новой технологии, пусть даже и создавшей такие перспективные отрасли, как информационные, видимо, не следует. Гораздо более важным представляется возникновение в национальных хозяйствах принципиально нового организма — национальной инновационной систе-